

Афродита.

„Однажды Діонисій привелъ къ нему трехъ куртизанокъ, предлагая ему выбрать ту, которая ему больше понравится. Аристиппъ оставилъ ихъ всѣхъ трехъ, сказавъ въ свое извиненіе, что Парисъ не былъ счастливѣе отъ того, что одну женщину предпочелъ всѣмъ остальнымъ.

Затѣмъ онъ довелъ этихъ дѣвицъ до своей двери, гдѣ и распрощался съ ними: до того легко ему было почувствовать любовь и снова излечиться отъ нея“.

Діогенъ Лаэртскій
(Жизнь Аристиппа).

ПРЕДИСЛОВІЄ.

Сами развалины древне-греческаго міра поучаютъ насъ, какимъ образомъ мы въ нашемъ современномъ мірѣ могли бы сдѣлать жизнь болѣе сносной.

Рихардъ Вагнеръ.

Мудрецъ Продикъ изъ Кеоса, процвѣтавшій въ концѣ V-го вѣка до Р. Х., былъ авторомъ знаменитой апологіи, которую Св. Василій рекомендовалъ для размышленія христіанамъ: *Гераклъ на распутьи между Добродѣтелью и Сладострастіемъ*. Мы знаемъ, что Гераклъ склонился съ сторону первой, и это дало ему возможность совершить рядъ великихъ преступленій противъ ланей, амазонокъ, золотыхъ яблокъ и гигантовъ.

Если бы Продикъ ограничился этимъ, то онъ написалъ бы только басню съ

весьма поверхностнымъ символизмомъ. Но онъ былъ хорошимъ философомъ, и его сборникъ сказокъ: „Часы“, раздѣленный на три части, представлялъ нравственныя истины съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя онѣ допускаютъ сообразно тремъ возрастамъ жизни. Маленькимъ дѣтямъ онъ любилъ ставить въ примѣръ торжественный выборъ Геракла; молодымъ людямъ онъ, безъ сомнѣнія, рассказывалъ о сладострастномъ выборѣ Париса, и я легко представляю себѣ, что зрѣлымъ людямъ онъ говорилъ приблизительно слѣдующее:

— Одиссей блуждалъ однажды на охотѣ у подножья Дельфійскихъ горъ, какъ вдругъ онъ встрѣтилъ по дорогѣ двухъ дѣвъ, державшихъ другъ друга за руки. У одной были волосы, какъ у фіалки, прозрачныя глаза и влажные уста; она сказала ему: „Меня зовутъ Арета“. У другой были слабыя вѣки, тонкія руки и нѣжныя перси; она сказала ему: „я зовусь Трифея“. И обѣ вмѣстѣ продолжали: „выбери одну изъ насъ“. Но хитроумный Одиссей благо-разумно отвѣчалъ: „Какъ я могу выбрать? Вы неотдѣлимы другъ отъ друга.

Глаза, которые увидѣли только одну изъ васъ безъ другой, уловили бы лишь бесплодную тѣнь. Подобно тому, какъ искренняя добродѣтель не отказывается отъ вѣчныхъ радостей, доставляемыхъ ей сладострастіемъ, такъ и эта слабость была бы плоха безъ нѣкотораго величія души. Я послѣдую за вами обѣими. Ведите меня“—Едва онъ кончилъ, какъ оба видѣнія слились, и Одиссей увидѣлъ, что онъ говорилъ съ великой богиней Афродитой.

* * *

Женщина, которая играетъ главную роль въ предлагаемомъ романѣ, — античная куртизанка; но пусть читатель будетъ спокоенъ: она не обратится на путь добродѣтели.

Она не будетъ любима ни святымъ, ни пророкомъ, ни Богомъ; въ современной литературѣ это будетъ оригинальнымъ.

Она будетъ куртизанкой откровенно, пылко и даже съ гордостью, присущей всякому человѣку, имѣющему извѣстное призваніе и занимающему въ обществѣ то мѣсто, которое онъ самъ себѣ свободно избралъ; она будетъ имѣть често-

любивое стремленіе подняться на высшую ступень; она и не подумаетъ о томъ, чтобы ея жизнь нуждалась въ оправданіи или въ тайнѣ: это требуетъ нѣкотораго объясненія.

До нынѣшняго дня, современные писатели, обращаясь къ публикѣ, менѣе предубѣжденной, чѣмъ молодая дѣвица и юные пансіонеры, пользовались обыкновенно замысловатой военной хитростью, лицемѣріе которой мнѣ совершенно не нравится: „Я нарисовалъ сладострастіе такимъ, какъ оно есть“,—говорятъ они „чтобы тѣмъ самымъ возвеличить, добродѣтель“ Я совершенно отказываюсь допустить подобный анахронизмъ въ предисловіи къ роману, дѣйствіе котораго происходитъ въ Александріи.

Любовь со всѣми своими послѣдствіями была для грековъ чувствомъ наиболѣе добродѣтельнымъ и наиболѣе порождающимъ величіе. Они никогда не связывали съ нимъ понятій безстыдства и нескромности, которыя іудейская традиція внесла къ намъ вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ. Геродотъ (I, 10) говоритъ намъ просто: „у нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ считается позор-

нымъ показаться обнаженнымъ“. Когда Греки или Латиняне хотѣли оскорбить человѣка, слишкомъ часто посѣщавшаго веселыхъ дѣвицъ, они называли его „*machus*“, что означаетъ ничто иное, какъ прелюбодѣй. Но если мужчина и женщина, которые никогда не были связаны съ кѣмъ нибудь другимъ, соединялись, хотя бы публично, и какъ бы молоды они не были, то считалось, что они не приносятъ никому никакого вреда и ихъ оставляли на свободѣ.

Отсюда видно, что о жизни древнихъ нельзя судить по тѣмъ нравственнымъ понятіямъ, которыя мы получаемъ теперь изъ Женевы.

Что касается меня, то я написалъ эту книгу съ простотой, какую бы Афинянинъ вложилъ въ передачу тѣхъ же самыхъ событій. Я хотѣлъ бы, чтобы ее и читали съ такимъ же настроеніемъ.

Если бы судить о древнихъ Грекахъ по привившимся теперь понятіямъ, то нельзя было бы *ни одного* точнаго перевода ихъ великихъ писателей дать въ руки гимназисту седьмого класа. Если бы Муннэ-Сюлли игралъ свою роль

Эдипа безъ пропусковъ, представленіе было бы прекращено по требованію полиціи. Если бы Леконтъ де Лиль предусмотрительно не почистилъ Теоокрита, его переводъ былъ бы конфискованъ тотчасъ же по выходѣ въ продажу. Аристофана считаютъ исключеніемъ, но мы имѣемъ значительные отрывки тысячи четырехъ сотъ сорока комедій, принадлежащихъ ста тридцати двумъ другимъ греческимъ поэтамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Алексисъ, Филетеръ, Стратисъ, Еубуль и Кратинасъ оставили намъ чудные стихи, и никто еще не осмѣлился перевести этотъ сборникъ, безстыдный и очаровательный.

Съ цѣлью защитить греческіе нравы обыкновенно цитируютъ ученіе нѣкоторыхъ философовъ, порицавшихъ похотныя наслажденія. Но здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе: эти рѣдкіе моралисты относились съ неодобреніемъ ко всѣмъ безъ различія чувственнымъ эксцессамъ, не дѣлая различія между распутствомъ въ спальнѣ и распутствомъ за столомъ. Кто нибудь, кто теперь безнаказанно заказываетъ въ парижскомъ ресторанѣ для себя одного обѣдъ